

и всей системы образования, но проективные идеи не успели оформиться в официальную образовательную парадигму.

Источники:

1. Материалы по реформе средней школы: Примерные программы и объяснительные записки, изданные по распоряжению г. Министра народного просвещения. Пг., 1915.

Литература:

2. Богуславский М.В. Подвижники и реформаторы российского образования. М., 2005.

3. Вендровская Р.Б. Школьная реформа 1915-1916 годов и преподавание истории // Преподавание истории в школе. 1995. №4.

4. Каптерев П.Ф. Избранные педагогические сочинения. М., 1982.

5. Криворотова Т.А. Идея русской национальной школы в отечественной педагогике второй половины XIX – начала XX века: автореф. дис. ...канд. пед. наук. Н. Новгород, 2003.

6. Кулжинский Я. Новые программы по истории // Русская школа. 1916. № 7-8.

7. Шакиров Р.В. Школа и общество. Системно-концептуальный анализ реформ образования в России в XX веке. Казань, 1997.

УДК 631.92

ББК Т.3(2)611-2

ГСНТИ 03.23.55

Код ВАК 07.00.02

Г.Е. Корнилов

Екатеринбург

**ПРОДОВОЛЬСТВЕННОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ
СТРАТЕГИИ ХОЗЯЙСТВЕННОГО ОСВОЕНИЯ
ВОСТОЧНЫХ РАЙОНОВ И СОЦИАЛЬНО-
ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ ПОСЛЕДСТВИЯ ЕЕ
РЕАЛИЗАЦИИ В 1890-Е – 1930-Е ГОДЫ**

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: аграрная модернизация, продовольственная безопасность, продовольственное обеспечение

АННОТАЦИЯ: В статье анализируется история становления системы продовольственного обеспечения населения восточных регионов в условиях модернизации. Утверждается, что продовольственное дело постепенно выделяется в отдельную отрасль государственного управления.

G.E. Kornilov

Yekaterinburg

**FOODSTUFF PROVISION FOR STRATEGY OF THE
ECONOMIC DEVELOPMENT OF RUSSIA'S EASTERN
REGIONS AND THE SOCIO-DEMOGRAPHIC
CONSEQUENCES OF ITS IMPLEMENTATION DURING
THE 1890S - 1930S**

KEY WORDS: agrarian modernization, foodstuff safety, foodstuff provision

ABSTRACT: The article analyses a history of arising the system of foodstuff provision for the population of Russia's eastern regions under conditions of modernization. It is stressed that the foodstuff issue has been gradually evolved to become a distinctive branch of the state administration.

В научных публикациях о проблемах коллективизации и аграрного освоения восточных регионов отдельные проблемы темы получили освещение. Однако разработка адекватных моделей регулирования процессов обеспечения продовольствием практически не изучалась. Необходимо выявление наиболее значимых факторов, оказывавших влияние на этот процесс, выделение критериев, позволяющих оценить состояние и уровень продовольственной безопасности в условиях модернизации России, особенно в период активного промышленного освоения восточных регионов.

Для всестороннего анализа проблемы продовольственного обеспечения населения в определенно-исторический период необходимо изучение развития и состояния сельскохозяйственного производства на Урале и сопредельных территориях, место различных форм торговли, ее объемы и товарную структуру, динамику и структуру потребления различных социальных групп, уровень информированности как властных структур, так и населения о состоянии продовольственных запасов. Сложным моментом изучения проблемы является политика правительства, мероприятия и реформы, которые осуществлялись в тот или иной период с целью формирования и поддержания производства и потребления продуктов питания.

Основу для разработки проблемы продовольственной безопасности составили труды ученых – экономистов Л.И. Абалкина

[19], Е.Н. Борисенко [21], А.В. Гордеева [25], В.В. Милосердова [42. С. 29 - 35], Т.Ф. Рябова [53], А.В. Тарханова [57. С. 59 - 69], Г.И. Шмелева [61. С. 27 - 40] и др., в которых исследовались проблемы экономической и как составной ее части продовольственной безопасности.

В трудах уральских ученых А.А. Куклина [58], В.В. Маслакова [41], О.А. Романова [58], А.Н. Семина [54], А.Ф. Татаркина [58], В.Н. Чуканова [58] проанализирована продовольственная ситуация конца XX – начала XXI вв. на материалах Урала.

Проблема продовольственного обеспечения не получила освещения и в зарубежной исторической литературе, хотя интерес к социально-экономическому развитию Урала и сопредельных территорий в XX столетии был достаточно высок. В трудах Р.У. Дэвиса [29. С. 198 – 210; 31], М. Левина [17; 18; 39. С. 4- 11], М.Б. Таугера [59. С. 298 - 332], С.Г. Уиткрофта [31], Ш. Фицпатрик [59] и др. исследовались вопросы экономического и социального развития российской деревни. Вместе с тем недостаточная эмпирическая база данных по восточным регионам не могла не отразиться на обоснованности и достоверности их выводов.

Исследования аграрной модернизации показало, что в ходе её формировались специфические региональные механизмы продовольственного обеспечения. Модернизация в XX вв., охватившая все сферы жизни российского общества, кардинальным образом изменила условия существования человека, вела к складыванию открытого подвижного общества, в котором происходило смешение этнических, социальных слоёв и складывалось интегрированное общество, характеризующееся общепринятыми нормами и структурой потребления, изменялся механизм обеспечения продовольствием [37. С. 286 - 316].

Результаты аграрной модернизации российской деревни не однозначны. В советский период она насаждалась сверху железной диктатурой, её темпы форсировались в ущерб качеству процесса и здоровью народа, её успехи были достигнуты за счет насилия, дешевого принудительного труда, прежде всего, крестьян-колхозников. Модернизация носила очевидный военно-политический характер.

Аграрная сфера является базисным элементом устойчивости любого общества. Нестабильность аграрного строя, несоответст-

вие уровня развития сельского хозяйства, стоящим перед страной внешнеполитическим и внутривнутриполитическим задачам, осознание необходимости её радикальной трансформации стали одной из побудительных причин революционных событий 1905 г., 1917 г., 1991 г.

Исторический опыт XX столетия показывает, что всероссийская модель структурно состоит из региональных составляющих, включающих особенности сложившихся историко-географических, историко-экономических и историко-культурных реалий. Все регионы России охватила в XX вв. трансформация аграрной сферы и сельского социума. Мы обозначаем её как аграрный переход [36. С. 4 - 14].

В ходе аграрного перехода происходили экономическая, демографическая, политическая, культурная, социальная, правовая трансформации, изменение сельского расселения и шло формирование системы продовольственной безопасности. Направления, темпы развития и формы проявления компонентов аграрного перехода были обусловлены и конкретизировались конкретно-исторической обстановкой, борьбой конструктивных и деструктивных элементов. Конкретно-исторические исследования, особенно на региональном материале, позволяют определить, насколько в течение последнего столетия этот агропереход осуществился, где и на каком этапе находится российский сельский социум, каков вектор его дальнейшего развития.

Аграрная модернизация России в XX веке определялась специфическими факторами и при этом необходимо учитывать три обстоятельства: 1) сельский житель более других связан с природой. Огромные параметры социально-природной системы не позволяют очень быстро набирать силу как негативным, так и позитивным процессам. 2) В аграрной сфере все процессы носят инерционный характер. 3) Отношение к этой системе царской, советской и постсоветской властей всегда оставалось потребительское и традиционно эксплуататорские.

Процесс аграрного перехода, процесс модернизации аграрной сферы России можно разделить на три фазы:

1-я фаза агроперехода – конец XIX в. – середина XX в.;

2-я фаза – 1950-1980-е гг.;

3-я фаза – с конца 1980-х гг. – до начала XXI в.

В основу периодизации положен комплекс факторов, приводивших к качественным изменениям в жизни села. Концепция агроперехода позволяет рассматривать аграрную трансформацию России с позиции непрерывности, континуитета.

Процесс модернизации формировал специфические механизмы продовольственного обеспечения, изменялись общепринятые нормы и структура потребления. В XX столетии в России, а затем в СССР в трансформации механизма продовольственного обеспечения весьма значительную роль играло государство, которое выступало в ходе модернизации как фактор организации производства и распределения продовольственных ресурсов.

На первой фазе аграрного перехода, когда шёл процесс формирования системы продовольственного дела, или продовольственной безопасности не исключались недоедание и голод различных групп и слоёв населения. Выявлены кризисы сельского хозяйства, которые приводили к различным по форме, масштабам и последствиям голодовкам на Урале: 1892, 1901, 1906, 1911, 1921-1922, 1931-1933, 1942-1943, 1946-1947 гг. Несмотря на достаточно солидную историографию истории голодовок в России и глубокие исследования российских учёных В.П. Данилова [26], Н.А. Ивницкого [31], И.Е. Зеленина, В.В. Кондрашина [35] и др., а также зарубежных историков М. Тагера, С. Уиткрофта [28. С. 95 - 109], уральские историки-аграрники Г.Е. Корнилов, Е.Ю. Баранов, В.А. Лабузов [20], С.А. Пьянков [50. С. 213 – 218; 44], М.К. Манкевич [4038. С. 92 – 99;39; С. 411 - 412], Д.В. Каракулов [34. С. 55 - 60] стали изучать историю становления и развития продовольственного дела, формирование системы продовольственных запасов на уровне государства, региона, социальной группы и семьи.

Толчком к формированию новой системы продовольственного дела в России послужил страшный голод 1891-1892 гг. Власть под воздействием ухудшения экономического положения крестьянства в условиях неурожая и голода 1891-1892 гг. выступили инициатором комплекса законодательных мер, направленных на пересмотр организации продовольственного дела. Первым шагом стало принятие в 1892 г. «Устава об обеспечении народного продовольствия» (первый этап реорганизации) [6. С. 24 - 30]. Вскоре устав признали несовершенным, в 1893 г. император Александр III утвердил Особую комиссию по пересмотру продовольст-

венного законодательства. В итоге её семилетней работы появились «Временные правила по обеспечению продовольственных потребностей сельских обывателей», утверждённые императором Николаем II 12 июня 1900 г. (второй этап). В начале XX в. пересмотр продовольственного законодательства продолжался, предлагались новые проекты, но ни один из них не был утверждён. «Временные правила» 1900 г. с незначительными поправками действовали до Первой мировой войны (третий этап) [6. С. 45– 50; 15. С. 7 – 11, 41 – 42, 418 – 421].

«Временные правила» изъяли продовольственное дело из рук земства и передали его в ведение крестьянских учреждений. Общее руководство продовольственным делом возлагалось на губернаторов. Меры помощи населению сводились к двум направлениям: накопление продовольственных запасов в благополучные по урожайности годы и раздача их в ссуду в периоды неурожая и других бедствий. За земскими учреждениями возлагались вспомогательные операции: оказание благотворительной помощи, устройство общественных работ и продажа хлеба по заготовительной цене. Система продовольственного капитала (резервов) разделялась на местный (хлебные запасы и общественные капиталы), губернский (губернские капиталы) и государственный (общепермский капитал) уровни.

С этого времени всё большую роль в продовольственном обеспечении начинало играть государство. После продовольственной катастрофы 1892 г. выделяются колоссальные средства из государственного казначейства для предотвращения голода, и с каждым годом объем денежных средств увеличивался, органы власти приняли ряд мер по уменьшению задолженности населения по продовольственным долгам.

Существенным изменениям подвергалась организация внутренней торговли. Важным фактором этих изменений стало строительство железных дорог на рубеже XIX-XX вв., создание сети элеваторов и зернохранилищ. Постепенно падало значение ярмарок, торговля приобретала стационарный характер, формировался всероссийский рынок, развивалась кооперация. В Пермской губернии с конца XIX в. развернулось активное строительство железных дорог, выдвигались проекты строительства элеваторов, создавались зернохранилища. Открытие кредитных товариществ с

1907 г. приняло массовый характер. Развитие кредитной кооперации имело успех среди крестьянского населения, несмотря на сложности в организации складов для хранения хлеба, получения кредитов от Государственного банка.

Проблема питания крестьянства в позднеимперской России вызвала дискуссию среди отечественных историков. Несмотря на то, что историки опираются на итоги расчета продовольственного баланса для хлеба и картофеля, но делаются различные выводы об уровне питания населения. Б.Н. Миронов [43. С. 83–95; 45. С. 137–155] и М.А. Давыдов [26. С. 168 - 176] оценивают его позитивно. Своё мнение Б.Н. Миронов подкрепляет антропометрическими показателями призывников в армию, М.А. Давыдов – данными об экспорте хлеба, продовольственной помощи в годы неурожая. С.А. Нефёдов доказывает, опираясь на данные статистики урожая и населения, что уровень питания был низким [45. С. 96—107; 47. С. 155—162; 48. С. 127—136].

Усреднённые показатели потребления, которые используют указанные авторы, не дают полной картины. Анализ статистических данных по Пермской губернии за 1890-1914 гг. свидетельствует о достаточном производстве зерна, картофеля. Мясомолочных продуктов в пищевом рационе основной массы населения было недостаточно. Пермское губернское земство установило необходимое количество хлеба в размере 19 пудов на человека в год [5; 40. С. 92 – 99; 52. С. 17]. Средние показатели зернового производства на душу населения за обозначенный период составляло 20, 96 пудов без вычета фуража и других хозяйственных нужд. Производство продовольственных культур ниже 19-пудовой нормы фиксировалось в губернии в 1890, 1891, 1892, 1898, 1901, 1907 и 1911 гг.

Количество потребляемых продуктов по такому показателю, как калорийность, приближалось к норме, белков растительного происхождения в ней было достаточно, но животных белков в большинстве случаев не хватало. В группе малопосевных хозяйств крестьян, как и у большинства рабочих, пища была перегружена углеводами. Объёмы потребления находились в определённой зависимости от экономического состояния хозяйства, что в свою очередь определялось количеством работников и ценностью капи-

тала, которым обладало хозяйство. Чем крупнее были хозяйства, тем значительнее в них были остатки сельскохозяйственных продуктов. Малополевые хозяйства часть продуктов приобретали на рынке. По данным бюджетных обследований рабочие также тратили значительную часть своих заработков (более 50%) на питание.

Мнение М.А. Давыдова и Б.Н. Миронова верно только частично. В начале XX в. в Пермской губернии питание крестьян находилось на достаточном уровне у 15-20% крестьян, которые относились к многополевым хозяйствам. В отношении этой группы можно говорить и о качественном, и о количественном достатке пищи. Данные за 1903 г., когда показатели урожаев находились на уровне средних значений, у большинства крестьян (состоявших в малополевых группах, более 70%) наблюдалось качественно-относительное голодание (по классификации П.А. Сорокина [54; 56]), поскольку в рационе не хватало белков животного происхождения, пища была перегружена углеводами, то есть присутствовало явное недопотребление. В годы неурожая количество продовольствия снижалось, закупочные цены на зерно значительно возрастали (на 20 -50%), росла спекуляция.

В начале XX в. в результате неурожая массового голода не произошло, население страдало от недоедания. Наибольшие людские потери принес голод 1891-92 гг., когда произошла демографическая катастрофа (фиксировалась естественная убыль населения), в остальные годы, в том числе и неурожайные, показатели естественного прироста сохраняли положительное значение (при сокращении рождаемости и повышении смертности).

В неурожайные годы начала XX в. благодаря совместным мерам правительства, земства и общественных организаций продовольственный кризис был предотвращен, голод не разразился, имело место относительное голодание, питание большей части крестьян было качественно неполноценным, реже количественно неполноценным. Следовательно, реорганизация хлебозапасной системы и формирование продовольственного дела в конце XIX – начале XX в. показали свою относительную эффективность.

Центральные органы управления и местные структуры самоуправления реагировали на неурожай более слаженно: уже в конце лета – начале осени фиксировался его уровень, формирова-

лись обоснованные заявки на помощь, своевременно выделялись продовольственные капиталы, организовывалась перевозка закупленного правительством хлеба для голодающих на места. Государство сумело взять под полный контроль предкризисную ситуацию в 1901, 1906-1907, 1911 гг. и не допустить роста смертности вследствие голода, несмотря на то, что масштабы неурожая были больше недородов 1890-1891 гг. В конце XIX - начале XX в. была сформирована система продовольственного обеспечения, которая достаточно эффективно работала в периоды неурожая и при истощении собственных запасов хлеба в крестьянских хозяйствах.

Система продовольственной безопасности - это система, имеющая главной целью надежное и достаточное снабжение населения основными продуктами питания, гарантирующее отсутствие опасности голода и недоедания. Советская история дает пример действия другого механизма формирования, другой модели продовольственной безопасности, основанной на народнохозяйственном планировании и регламентировании распределения продуктов питания. Во второй четверти XX в. были предприняты большие усилия по созданию такой системы.

Апрельский (1926 г.) объединенный пленум ЦК и ЦКК ВКП(б) принял решение об образовании постоянного государственного хлебного фонда (ГХФ). В январе 1927 г. СНК СССР принял постановление об образовании, хранении и использовании ГХФ, он рассматривался переходящим из года в год запасом хлеба и фуража. Целью создания ГХФ было обеспечение населения хлебом в случае неурожая, чрезвычайных потребностей государства, а также регулирование рыночных цен на хлеб. Распоряжение о расходовании ГХФ могло дать СТО и НКВнутторг СССР. Согласно постановлению Наркомат внутренней торговли устанавливал для каждого планового заготовителя количество хлеба и фуража по культурам, а также сроки и место сдачи. Хранение Государственного хлебного фонда поручалось Госбанку СССР на имеющихся у него элеваторах и складах.

Экстенсивно развивавшееся сельское хозяйство было не в силах одновременно удовлетворять потребности населения и наполнять формировавшиеся государственные хлебные резервы. Поэтому ГХФ создавался за счет ограничения внутреннего потребления хлебных продуктов. Создание ГХФ означало по существу вос-

становление государственной хлебной монополии. Хлебные кризисы конца 1920-х годов заставили власти создать местные хлебные резервы в промышленных и рабочих центрах. С 1929 г. они создавались за счет внеплановых закупок. Местные хлебные резервы образовывались при наличии переходящих остатков хлеба в размере двухнедельной потребности.

Образование и хранение государственных резервов продовольствия было поручено Наркомторгу СССР. В 1929 г. работа с хлебными резервами была передана акционерному обществу «Союзхлеб», однако распорядителем резервов оставался Наркомторг. В октябре 1931 г. СНК СССР образовал Комитет резервов при СТО. Наряду с хлебными начали существовать государственные продуктовые и материальные резервы. С этого времени неприкосновенный хлебный фонд и государственный хлебный фонд переименовываются в государственные фонды и передаются из Наркомснаба в ведение Комитета резервов, который на местах проводил работу через своих уполномоченных - полномочных представителей ОГПУ. Комитет резервов и его уполномоченные учитывали наличие зерна и другого продовольствия в стране, контролировали их экономное расходование в пределах утвержденного правительством плана [14. С. 326 – 327, 363 – 364, 518, 659].

Курс советского руководства на индустриальное развитие страны определял и продовольственную политику государства. Первоочередное снабжение промышленности, индустриальных строек стало одной из основных задач в конце 1920-х – 1930-е годы. Но городское снабжение пострадало из-за развала внутреннего рынка, наступления на частных торговцев. Секретные информационные сводки отдела ЦК ВКП(б) свидетельствуют о продовольственных затруднениях в городах в 1928 г. Реакцией местных властей на недостаток хлебопродуктов в городах стало введение нормированного распределения (снабжения) среди городского населения. В июне 1928 г. Уралобком ВКП(б) установил нормы выдачи хлеба через Центральные рабочие кооперативы рабочим и служащим Уральской области, а также членам их семей [7. Л. 59]. Несмотря на нормированную продажу, продуктов в городах, промышленных центрах не хватало. Нарастал продовольственный кризис. 14 февраля 1929 г. Политбюро ЦК ВКП(б) приняло решение о введении всесоюзной карточной системы на хлеб [8. Л. 2 -

4]. Перебои с продовольствием привели к тому, что вскоре в промышленных регионах в дополнение к хлебным карточкам стали распространяться и карточки на другие продукты. Как и в случае с хлебом, нормирование и карточки оформлялись санкциями местной власти.

Центральное руководство стремилось стабилизировать ситуацию с продовольствием в первую очередь в промышленных центрах страны. 15 февраля 1930 г. Политбюро ЦК ВКП(б) утвердило постановление СТО от 26 января "О мероприятиях по организации снабжения рабочих продовольственными продуктами и промтоварами" [9. Л. 2, 31 - 36]. Этим постановлениям утверждалось два списка городов и промышленных районов, согласно которым определялся порядок их снабжения. Снабжение основными продовольственными продуктами городов и районов, входивших в список № 1, производилось в централизованном порядке и из хозяйств потребительской кооперации. Наркомторгу СССР и Центросоюзу надлежало обеспечивать снабжение рабочих и их семей городов и районов первого списка по твердым ценам. Снабжение рабочих и их семей второго списка осуществлялось из ресурсов централизованных заготовительных организаций и из ресурсов, получаемых потребкооперацией в порядке местных заготовок и из собственных хозяйств кооперации.

В январе 1931 г. по решению Политбюро ЦК ВКП(б) Наркомат снабжения СССР ввел всесоюзную карточную систему на основные продукты питания и непродовольственные товары [48. С. 89 - 90]. Карточки выдавались тем, кто трудился в государственном секторе экономики, а также их иждивенцам. С начала 1931 г. существовало четыре списка снабжения. Преимущества в снабжении имели особый и первый списки, куда вошли и ведущие индустриальные предприятия Урала. Внутри каждого из четырех списков существовали разные стандарты снабжения, которые зависели от производственного статуса людей.

Недостаток продуктов питания в городах приводил, с одной стороны, к росту рыночных (базарных) цен, с другой - к распространению натурального товарооборота. Наибольший рост цен дали 1931 и 1932 гг. В мае 1932 г. была легализована колхозная торговля. Повышенный спрос на продовольствие в условиях разразившегося голода заставил в марте 1933 г. ввести коммерческую

торговлю хлебом. Однако ни карточная система, ни легализация колхозной торговли, ни разрешение свободной продажи хлеба не решили продовольственной проблемы горожан региона.

Формирование механизма нормированного продовольственного снабжения не касалось крестьянства. В годы НЭПа произошло улучшение жизни уральского крестьянства, выросли денежные доходы, росло потребление продовольственных продуктов. В конце 1920-х годов в уральской деревне наблюдались продовольственные затруднения. Недостаток продуктов питания в Курганском, Пермском, Свердловском, Троицком округах в мае - июне 1928 г. стал причиной антисоветских выступлений. Фиксировались случаи голодания бедноты, заболевания и смерти на почве голода детей и взрослых, употребление в пищу суррогатов и падали. Весной и летом 1929 г. в отдельных районах области крестьяне из бедняцких слоев взламывали частные и общественные амбары и "растаскивали" хлеб [10. Л. 29, 31. 46, 47, 50, 54,56].

В процессе массовой коллективизации началось наступление государства на частную патентованную торговлю. Конфискации и репрессии сократили ресурсы крестьян, что подрывало их самообеспечение и крестьянскую торговлю. Фиксируется в документах рост миграции сельского населения в город за продуктами. Весной - летом 1930 г. тяжелая ситуация с продовольствием сложилась в Троицком, Ишимском, Курганском, Челябинском, Шадринском и Тюменском округах [2. Л. 56]. Продовольственные затруднения приводили к локальным голодовкам. Остро нуждавшимся в продовольствии и семенах оказывалась государственная помощь. Она предоставлялась в виде ссуд с возвратом из урожая следующего года, выдавалась в основном хозяйствам социалистического сектора.

Продовольственный кризис обострился на Урале в начале 1932 г. По официальным данным, за 1931 г. было собрано 17 млн ц зерна, что на 64 % меньше, чем в 1930 г. [13.С. 203]. Уралоблисполком 13 февраля 1932 г. принял постановление об организации продовольственной помощи 28 недородным районам к весенней посевной кампании. Голод постепенно охватил всю территорию Уральской области. По данным постоянных бюджетных обследований крестьянских семей Уральской области основными источниками поддержания жизненных сил были картофель, хлеб-

суррогат и менее 2-х стаканов молока в день [11. Л. 97]. В 1933 г. по данным крестьянских бюджетов снизилось суточное потребление основных продуктов сельским населением.

Усилившийся в связи с голодом отток крестьян из деревни советское руководство стремилось прекратить. Согласно законам от 13 сентября 1932 г. и от 17 марта 1933 г. крестьянам запрещалось оставлять свои колхозы в поисках работы без разрешения руководства и без предоставления документов о готовности предприятия принять на работу крестьянина. 7 декабря 1932 г. была введена "единая паспортная система с обязательной пропиской по всему Союзу ССР", что ограничивало бегство крестьян.

Возникшие в 1928 г. в связи с чрезмерным изъятием сельскохозяйственной продукции в ходе заготовительных кампаний продовольственные затруднения обернулись для сельского населения голодом в 1932 - 1933 гг. Его сопровождали эпидемии сыпного и брюшного тифа, оспы, цинги. Известны факты антропофагии, трупоедства, употребления в пищу кошек и собак, самоубийств на почве голода в сельской местности [1. С. 186].

Трудности в обеспечении населения продовольствием привели к формированию механизма нормированного распределения продуктов питания. Карточная система не смогла решающим образом исправить кризисную ситуацию со снабжением, хотя позволила горожанам избежать голодовки. Но латентный голод (относительное качественно-количественное голодание) в 1932 - 1933 гг. охватил всю территорию Уральской области, в том числе и городское население. В отличие от горожан сельское население не снабжалось продовольственными товарами. Изъятие из деревни хлеба привело к недостатку его у жителей. Весна - лето 1933 г. - пик голода в регионе. Наиболее пораженными голодом были районы Центрального и Южного Зауралья.

Коллективизация сельского хозяйства, проводившаяся ускоренными темпами, стала главной причиной аграрного кризиса начала 1930-х гг., который охватил все сферы жизни деревни. Одним из его трагических проявлений явился продовольственный кризис, вылившийся в голодную катастрофу 1932 - 1933 гг.

Основными показателями продовольственной стабильности общества являются: 1) величина переходящих запасов зерна, позволяющая нейтрализовать дестабилизирующие факторы (неуро-

жаи, стихийные бедствия); 2) душевое производство зерна. При этом особое значение имеют пороговые значения – это предельные величины, несоблюдение значения которых препятствует нормальному ходу развития различных элементов воспроизводства, приводит к формированию негативных, разрушительных тенденций. Приближение к предельно допустимой величине уже свидетельствует о нарастании угрозы социально-экономической стабильности, а превышение предельных, или пороговых, значений – о вступлении в зону нестабильности и социальных конфликтов.

В условиях аграрного кризиса и резкого роста городского населения, связанного с индустриальным развитием Урала, введение нормированного распределения, карточной системы снабжения не смогли стабилизировать продовольственную ситуацию.

Критериальная оценка продовольственной безопасности включает ресурсный потенциал (он был в наличии в начале 1930-х гг.) и уровень эффективности использования ресурсов, когда возможность угрозы сводится к минимуму. В связи с этим встает вопрос, если продовольственные ресурсы имелись в начале 1930-х гг., то почему же они не использовались для оказания помощи голодающему населению?

Механизм предоставления районам страны дополнительного отпуска хлеба на общее снабжение был достаточно сложным. В общее снабжение включались поставки сельскохозяйственной продукции как городскому, так и сельскому населению, направленные на индивидуальное снабжение, а также на нужды промышленности и сельского хозяйства в целом.

В Политбюро поступало ходатайство об увеличении отпуска продукции на снабжение от местного партийного комитета административно-территориального образования, в нашем случае - это Уральский обком ВКП(б), решение по которому принималось на заседаниях Политбюро или в опросном порядке его членами. При этом для рассмотрения ходатайства создавались специальные комиссии из членов Политбюро. Ходатайство могло направляться для согласования и реализации в СНК СССР, Комитет заготовок СТО, Комитет товарных фондов при СТО и другие организации, связанные с учетом, хранением и распределением продовольственной продукции.

Следует отметить, что Уралоблисполком также направлял ходатайства об изменении планов отпуска продукции на снабжение в центральные органы управления, в том числе в вышеперечисленные комитеты [1. С. 156]. Но окончательное решение было за Политбюро.

Предкризисное состояние с продовольствием фиксировалось на Урале уже в конце 1931 г. Уралоблисполком 13 февраля 1932 г. принял постановление об организации продовольственной помощи недородным районам области к весенней посевной кампании. Согласно этому постановлению, колхозникам районов, пострадавших в 1931 г. от засухи, на февраль – март 1932 г. отпускалась продовольственная помощь в размере 16010 ц в порядке ссуды с возвратом осенью 1932 г. Постановлением предписывалось обязать райисполкомы распределить данную продовольственную помощь между наиболее нуждавшимися колхозами, при этом внутри колхозов обеспечить семьи находившихся в Красной армии детей и семьи колхозников, работавших на животноводческих фермах [2. Л. 56].

В течение 1932 г. ситуация с продовольствием перешла в **угрожающую стадию кризиса**. Голодовки охватывали все большую территорию. Они распространились даже на территорию Северного Зауралья, куда всегда завозилось продовольствие. По данным постоянных бюджетных обследований крестьянских семей Уральской области основными источниками поддержания жизненных сил были картофель, хлеб-суррогат и менее 2 стаканов молока в день. Только 22 октября состоялось решение Политбюро ЦК ВКП(б) “О продснабжении Урала”, по которому на октябрь 1932 г. было отпущено региону 39 тыс. т хлеба вместо ранее утвержденного 37 тыс. т (с оставлением на ноябрь и декабрь по 38 тыс. т) [24. С. 161]. Еще одно решение Политбюро состоялось 5 апреля 1933 г., по которому “отпустить колхозам Уральской области дополнительно к ранее отпущенной семенной ссуде 800 тыс. пудов пшеницы за счет сокращения на соответствующее количество отпущенной пшеницы в порядке обмена и сверх этого 200 тыс. пудов в качестве продпомощи” [24. С.106]. Весной 1933 г. ситуация с продовольствием крайне обострилась. В спецсправке ОГПУ от 3 апреля 1933 г. сообщалось, что в Челябинском, Усть-Уйском, Троицком, Камышловском, Куртамышском, Багарякском,

Бродокалмакском, Яркоком, Бардымском, Ольховском, Сухоложском, Шадринском и других районах наблюдались острые продовольственные затруднения. В Троицком районе употреблялись в пищу трупы павшего от сапа скота, которые были залиты карболовым раствором и находились в скотомогильнике. В Усть-Уйском районе употреблена в пищу павшая якобы от сибирской язвы лошадь [24. С. 289]. В 1933 г. по сведениям бюджетных обследований резко снизилось суточное потребление основных продуктов питания сельского населения. На почве недоедания резко выросли эпидемические заболевания (сыпняк, брюшник, цинга, натуральная оспа). В январе 1933 г. было зафиксировано 3613 случаев заболеваний от этих болезней, а в феврале – 4839 [24. С. 291].

Показателем перехода **угрожающей стадии кризиса в чрезвычайную** свидетельствовали участвовавшие случаи хищения зерна и других продуктов, особенно в сельской местности, а также побег крестьян из деревни. За 1932 г. в Уральской области по «закону о колосках» было приговорено к расстрелу 55 человек, в 1933 г. – 194 человека. С 1 августа 1932 г. по 1 июля 1933 г. в области по закону об охране социалистической собственности было привлечено 45542 человека, а за июль – сентябрь 1933 г. еще 3 тыс. колхозников [38. С. 36]. По сведениям Уральской областной Рабоче-крестьянской инспекции из колхозов области на новостройки, в промышленность за 1931 г. ушло 301,1 тыс. человек, что составило 18,7% к общему числу трудоспособных. Часть крестьян бежали из деревни, не желая оставаться в колхозах, поскольку отходничество позволяло не возвращаться в деревню. За зиму 1930 – 1931 г. в Троицком округе покинули село 1400 семей. Из 45957 обобществленных хозяйств на 20 марта 1931 г. выбыло 23506, то есть более половины [16. С. 126]. За 1931 г. в промышленность ушло 438,2 тыс. крестьян Уральской области. За первый квартал 1932 г. деревню покинули 62,3 тыс. семей. К маю 1932 г. на заводы Востокстали прибыло 10,1 тыс. человек из деревни, из них осталось на постоянную работу 3,3 тыс. человек. На Магнитострой в 1932 г. было завербовано 9,8 тыс. человек, а самотеком прибыло 13,3 тыс. человек [3, л. 18]. В ходе коллективизации крестьяне, оказавшиеся в колхозах, фактически лишились не только своей собственности, но приусадебных хозяйств. В 1932 г. ситуация с приусадебными участками несколько улучшилась. Размер

огородов на Урале не превышал 6 соток, тем не менее семья колхозника могла частично обеспечить себя картофелем и овощами. На 1 января 1933 г. только 55 % колхозников региона имели в индивидуальном пользовании посевы, 61 % держали крупный рогатый скот (в том числе коров – 57%), 6,2 % - свиней, 38 % - овец и коз. Практически половина крестьянских семей существовала за счет того, что выделил колхоз [4.С. 157]. В 1933 г. 36 % колхозов Урала выделили на 1 трудодень до 1 кг зерна, 52 % - от 1 до 3,6 кг [26.С. 579]. Основным фактором перехода от угрожающей фазы к чрезвычайной явилось чрезмерное изъятие сельскохозяйственной продукции в ходе заготовительных компаний (если в 1928 г. в счет хлебозаготовок из уральской деревни было вывезено 15% собранного зерна, то в 1932 г. – 45%, мяса – соответственно: 16 и 58,1%) [26.С. 513]. Разразился голод.

В архивных документах зафиксированы факты антропофагии, трупоедства, употребление в пищу кошек и собак, самоубийств на почве голода [1.С.192 - 193]. Голод и сопутствующие ему эпидемии стали причинами общесоюзной демографической катастрофы 1933 г., которая затронула и Уральскую область. Убыль населения Уральской области в 1933 г. составила 7,2% от убыли населения РСФСР.

Полномасштабная катастрофа (чрезвычайная стадия кризиса), характеризующаяся скачкообразным ростом смертности, развернулась в регионе в январе – феврале 1933 г. и достигла своего пика в городах уже в апреле – мае, а в деревне – в августе – сентябре, когда смертность достигла максимальных значений. В декабре 1932 г. скончалось 12906 человек, в январе 1933 г. – 17227, в феврале – 22459, в марте – 24133. Максимальных величин число смертей достигло в августе 1933 г., когда в Уральской области было зафиксировано 32,9 тыс. умерших. Следовательно, за семь месяцев – с декабря 1932 г. по август 1933 г. – количество смертей выросло более чем 2,5 раза. Депопуляция в сельской местности имела место с мая по сентябрь 1933 г. [26. С. 427]. Естественный прирост городского населения имел отрицательное значение в марте - июне 1933 г., когда происходило линейное ежемесячное сокращение рождаемости при увеличении смертности в отдельные месяцы. Но данное обстоятельство не привело к демографической катастрофе в регионе, так как рождаемость в сель-

ской местности значительно превышала убыль городского населения (в 3,8 раза). Естественный прирост городского населения имел отрицательное значение непрерывно с января 1933 г. по июнь 1934 г. Общий естественный прирост был отрицательным весь 1933 г., когда убыль населения составила 37,6 тыс. человек, и в первом полугодии 1934 г. (убыль населения составила – 10,3 тыс. человек) [1. С. 257 - 258].

Медленное снижение числа умерших было зарегистрировано с октября 1933 г. Рождаемость, как более инерционный, чем смертность, элемент процесса воспроизводства населения, сокращалась до апреля 1934 г. Пониженная рождаемость в конце зимы – весной 1934 г. вызвала рецидив депопуляции. На протяжении трех месяцев (февраль-март) 1934 г. показатели естественного прироста были отрицательными. И только осенью 1934 г. демографическая ситуация на Урале нормализовалась [26. С. 427].

Возникшие трудности в обеспечении населения продовольствием привели к формированию механизма нормированного распределения продуктов питания. Карточная система не могла решающим образом исправить кризисную ситуацию со снабжением, хотя позволила горожанам избежать массовой голодовки, но латентный голод (относительное качественно-количественное голодание по классификации П. Сорокина [57]) в 1932-1933 гг. охватил всю территорию Уральской области, в том числе и городское население. В отличие от горожан сельское население не снабжалось продовольственными товарами. Изъятие из деревни хлеба привело к недостатку его у жителей. Локальные голодовки, которые вместе с сопутствующими эпидемиями, стали непосредственными причинами человеческих смертей. Весна – лето 1933 г. – пик голода. Наиболее пораженными голодом были сельскохозяйственные районы Центрального и Южного Зауралья. По своим масштабам голод 1932-1933 гг. в Уральской области, унесший около 100 тысяч человеческих жизней, уступал по масштабам голоду на Украине, Северном Кавказе, в Поволжье, Центрально-Черноземной области и Казахстане.

В условиях аграрного кризиса конца 1920-х - начала 1930-х гг., роста городского населения, связанного с индустриальным развитием региона, нормированное распределение, карточная система не смогли предотвратить продовольственного кризиса и го-

лода. Уральская область из района, самообеспечивавшего себя зерновыми культурами, превратилась в район, осуществлявший их ввоз. Главными особенностями механизма продовольственного обеспечения населения, характерного для всего советского периода, стали централизация и дискриминационный характер по отношению к сельскому населению.

Процесс модернизации формировал специфические механизмы продовольственного обеспечения, изменялись общепринятые нормы и структура потребления. В России, а затем в СССР в трансформации механизма продовольственного обеспечения весьма значительную роль играло государство, которое выступало в ходе модернизации как фактор организации производства и распределения продовольственных ресурсов. Опыт создания системы государственной продовольственной безопасности в России в первой трети XX в. совпал с первой фазой аграрного перехода аграрной модернизации страны. Он показал, что создаваемая до 1917 г. система общественно-государственного обеспечения населения продовольствием не выдержала натиска Первой мировой и Гражданской войн, была ликвидирована самими крестьянами; создаваемая в СССР в ходе активного промышленного освоения система государственного централизованного снабжения городского населения в условиях продовольственных кризисов и катастроф также не смогла справиться с задачей бесперебойного продовольственного обеспечения, что приводило к огромным демографическим потерям.

Источники:

1. Аграрное развитие продовольственное обеспечение населения Урала. 1928 – 1934 гг.: сборник документов и материалов / Под ред. Г.Е. Корнилова. Оренбург, 2005.
2. Государственный архив Свердловской области (ГАСО). Ф. 88. Оп. 1. Д. 3305.
3. ГАСО. Ф. р-235. Оп. 1. Д. 400.
4. История коллективизации сельского хозяйства Урала (1927 – 1937 гг.): сборник документов. Пермь, 1983.
5. Обзор Пермской губернии за 1912 год. Пермь, 1913.
6. Продовольственная безопасность Урала в XX веке: документы и материалы /Под ред. Г.Е. Корнилова и В.В. Маслакова. Т. 1. Екатеринбург, 2000.

7. Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 17. Оп. 85. Д. 307.
8. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 726.
9. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 776.
10. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 85. Д. 307.
11. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 162. Д. 14.
12. Российский государственный архив экономики. Ф. 1943. Оп. 2. Д. 504.
13. Сельское хозяйство СССР. Ежегодник 1935 г. М., 1936.
14. Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. 1927-1939. Документы и материалы. Т.1. М., 1999.
15. Узаконения и распоряжения по продовольственному делу за 1914-1917 гг. Ч.1. Петроград, 1917.
16. Челябинская область. 1917 – 1945 гг. Сборник документов и материалов / Под ред. П.Г. Агарышева. Челябинск, 1998.

Литература:

17. Lewin M. Russian Peasants and the Soviet Power. L., 1975.
18. Lewin M. The Making of the Soviet System: Essays in the Social History of Interwar Russia. New York: Panteon Books, 1985.
19. Абалкин Л.И. Россия: поиск самоопределения: очерки. М.: Наука, 2002.
20. Баранов Е.Ю., Корнилов Г.Е., Лабузов В.А. Аграрное развитие продовольственное обеспечение населения Урала. 1928 – 1934 гг. М., 2009.
21. Борисенко Е.Н. Продовольственная безопасность России (Проблемы и перспективы). М., 1997.
22. Буздалов И.Н. Аграрные преобразования в России // Общественные науки и современности. 1998. № 6. С. 27-39.
23. Буздалов И.Н. Теория аграрных отношений: современная представления // АПК: экономика и управления. 2002. №6.
24. Голод в СССР. 1930 – 1934 гг. М., 2008.
25. Гордеев А.В. Продовольственное обеспечение России (вопросы теории и практики). М.: Колос, 1999.
26. Давыдов М.А. Всероссийский рынок в конце XIX – начале XX вв. и железнодорожная статистика. СПб.:Алетейя, 2010.
27. Давыдов М.А. К вопросу о потреблении населения в России в конце XIX – начале XX в. // Российская история. 2009. № 2.
28. Данилов В.П. История крестьянства России в XX веке. Избранные труды: в 2-х ч. М., 2011.
29. Дэвис Р.У. Советская экономика в период кризиса. 1930 – 1933 // История СССР. 1991. № 4.

30. Wheatcroft S.G. The Great Leap Upwards: Anthropometric Data and Indicators of Crises and Secular Change in Soviet Welfare Levels // *Slavic Review*. Vol. 58. 1999. Spring, № 1.

31. Дэвис Р.У., Уиткрофт С.Г. Годы голода. Сельское хозяйство СССР. 1931 – 1933. М., 2011.

32. Зеленин И.Е. Сталинская «революция сверху» после «великого перелома». 1930-1939: политика, осуществление, результаты. М.: Наука, 2006.

33. Ивницкий Н.А. Коллективизация и раскулачивание (Начало 30-х годов). М.: Интерпракс, 1994.

34. Каракулов Д.В. Голод 1921 – 1922 гг. на Урале // *Отечественная история: взгляд из XXI века: сб. науч. ст. Екатеринбург: УрГПУ, 2012. С. 55 – 60.*

35. Кондрашин В.В. Голод 1932 – 1933 годов: трагедия российской деревни. М., 2008.

36. Корнилов Г.Е. Аграрная модернизация России в XX в.: региональный аспект // *Уральский исторический вестник*. 2008. № 2.

37. Корнилов Г.Е. Трансформация аграрной сферы Урала в первой половине XX века // *XX век сельская Россия: российские и японские исследователи в проекте «История российского крестьянства в XX веке»*. Токио, 2005.

38. Крестьянство Зауралья в 1929 – 1941 гг. Курган, 1992.

39. Левин М. Режимы и исторические процессы в России XX в. // *Куда идет Россия? Социальная трансформация постсоветского пространства. Международный симпозиум 12-14 января 1996 г. М., 1996.* Манкевич М.К. Динамика земледельческого производства в Пермской губернии в конце XIX – начале XX в. // *Великие реформы 1860 – 1870-х гг. и аграрная Россия: сб. ст. VI международной научно-практической конференции. Оренбург, 2011. С. 92 – 99.*

40. Манкевич М.К. Хлебозапасные магазины в Пермской губернии в конце XIX – начале XX в. // *Аграрная сфера в контексте российских модернизаций XVIII – XX вв.: макро- и микропроцессы: сб. ст. Оренбург, 2010. С. 411 – 412.*

41. Маслаков В.В. Концепция системы продовольственной безопасности индустриально-аграрного района (на примере Урала и Сибири). Екатеринбург: УрО РАН, 1998.

42. Милосердов В.В. С чужого стола не прокормишь // *Российская Федерация сегодня*. 2008. №15. С. 29-31.

43. Миронов Б.Н. Достаточно ли производилось пищевых продуктов в России в XIX – начале XX в.? // *Уральский исторический вестник*. 2008. № 3 (20).

44. Мионов Б.Н. Модернизация имперской России и благосостояние населения // Российская история. 2009. № 2.
45. Нефедов С.А. Влияние революции 1917 г. на динамику потребления пищевых продуктов // Уральский исторический вестник. 2008. № 3 (20).
46. Нефедов С.А. О связи демографических показателей и потребления в России конца XIX – начала XX в. // Российская история. 2009. № 2.
47. Нефедов С.А. Уровень жизни населения в дореволюционной России // Вопросы истории. 2011. № 5.
48. Осокина Е.А. За фасадом «сталинского изобилия». Распределение и рынок в снабжении населения в годы индустриализации. 1927-1941. М., 1998.
49. Продовольственная безопасность России: материалы международной конференции. М.: Информационный бюллетень МИД РФ, 2002.
50. Пьянков С.А. Динамика производства в крестьянском хозяйстве Пермской губернии конца XIX – начала XX в. // Новейшая история России в образовательном пространстве школы и вуза: традиции и новации. Ч. 2. Екатеринбург: УрГУ, 2009. С. 213 – 218.
51. Пьянков С.А. Крестьянское хозяйство Пермской губернии в конце XIX – XX века: автореф. ... канд.ист. наук. Екатеринбург, 2010.
52. Роднов М.И. Третья Россия (о крестьянстве и не только) // Российская история. 2009. № 2.
53. Рябова Т.Ф. Экономическая безопасность: продовольственная безопасность: термины и определения: словарь. М., 2001.
54. Семин А.Н. Обеспечение продовольственной безопасности требует системных подходов // Ресурсы регионов России. 2000. № 2.
55. Сорокин П.А. Голод как фактор. Влияние голода на поведение людей, социальную организацию и общественную жизнь. Петроград, 1922.
56. П.А. Сорокин выделил две основные формы голодания. Первая – это, по сути, абсолютный голод, возникавший вследствие полного прекращения поступления пищи в организм. В качестве второй формы голодания он выделил относительное (недефицитное), разделяя его на социально-относительное и индивидуально-относительное. Показателем социально-относительного голодания в обществе служит величина его имущественной дифференциации. Под индивидуально-относительным голоданием им понималось уменьшение количества и ухудшение качества пищи в рационе конкретного индивида. См.: Сорокин П.А. Голод как фактор. Влияние голода на поведение людей, социальную организацию и общественную жизнь. М., 2003.

57. Тарханов А.В. Продовольственная безопасность: состояние, проблемы и решения // Национальные интересы: приоритеты и безопасности. 2010. № 29.

58. Татаркин А.И., Романова О.А., Куклин А.А., Чуканов В.Н. Экономическая безопасность региона: единство теории, методологии исследования и практика. Екатеринбург: УрГУ, 1997.

59. Таугер М. Б. Урожай 1932 года и голод 1933 года // Судьбы российского крестьянства. М.: РГГУ, 1995.

60. Фицпатрик Ш. Сталинские крестьяне: социальная история Советской России в 30-е годы: деревня. М.: Российская политическая энциклопедия, 2001.

61. Шмелев Г.И. Продовольственная безопасность России: пути достижения // Проблемы прогнозирования, 1999. №1.

УДК 37.034

ББК 4108.2

ГСНТИ 03.23.55

Код ВАК 07.00.02

Г.А. Кругликова

Екатеринбург

**КУЛЬТУРНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ СОВРЕМЕННОГО
ГОРОДА КАК ФАКТОР ФОРМИРОВАНИЯ
ПРАВСТВЕННЫХ ЦЕННОСТЕЙ МОЛОДЕЖИ**

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: культурный потенциал, нравственные ценности, воспитание молодежи.

АННОТАЦИЯ: В статье обобщены научные подходы определения категории «культурный потенциал». Определены элементы культурного потенциала, факторы, влияющие на его формирование. Изложены подходы к формированию нравственных ценностей молодежи.

G.A. Kruglikova

Yekaterinburg

**CULTURAL POTENTIAL OF THE MODERN CITY AS
A FACTOR IN THE FORMATION OF MORAL VALYES
OF YOUTH**

KEY WORDS: cultural potential, moral values, education of youth.

ABSTRACT: This article summarizes the scientific approaches in determination of the category of "cultural potential". The elements of the cultural potential and factors that have influence on its development were found. The approaches of the formation of moral values of youth were expounded.